

Е.К. СОЗИНА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1 (Герцен А.И.)

ББК Ш5 (2Рос=Рус) 5

«ЗАБЫТЬ И ПОНЯТЬ»: «БОЖЕСТВЕННЫЕ ИЕРОГЛИФЫ» АЛЕКСАНДРА ГЕРЦЕНА*

Аннотация. В статье сделана попытка понять причины интереса современных читателей к Герцену и прояснить ряд проблем его жизни и творчества. Одной из центральных тем Герцена была проблема сотериологическая (спасение «своего», самого сокровенного и важного в жизни), которую он решал на путях экзистенциальной философии. Но писатель так и не смог выйти из тисков этической двойственности и примирить идею и чувства. Об этом, в частности, свидетельствуют постоянные переключки его биографии и творчества, наличие сквозных тем, образом, мотивов, проходящих через жизнь и произведения Герцена.

Ключевые слова: экзистенциальная философия Герцена, эволюция мировоззрения, проблемы этики и аксиологии, биография и творчество.

*В мире все есть, как оно есть, и все происходит,
как оно происходит; в нем нет ценности –
а если бы она и была, то не имела бы ценности...
Ибо все происходящее и так-бытие случайны.*

Л. Витгенштейн

Герцен неожиданно стал современным мыслителем. О нем устраивают беседы на телевидении, о нем пишут пьесы, которые тут же попадают на театральную сцену, о нем издаются новые книги¹, наконец, о Герцене спорят в социальных сетях, а студенты хотят писать о нем курсовые. Не правда ли – это весьма солидный показатель популярности писателя и философа в нашу странную по своим симпатиям, совсем не интеллигентную, не элитарную и не книжную эпоху. Что может привлечь сегодня в Герцене – его личность, его труды? И если последнее – то, какие труды: философия, публицистика, критика, художественные тексты, включая завершающий «роман», адекватное

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Соглашение № 14.А18.21.0999.

¹ Так, вышла новая биография Герцена в серии «ЖЗЛ» – *Желвакова И.А.* Герцен. М. : Молодая гвардия, 2010.

жанровое определение которому еще не удалось подобрать, – «Былое и думы»?.. Очевидно, каждый стремится к «своему» Герцену. Но главной «мишенью» как тогда – при его жизни и чуть позже, так и сегодня становится все-таки личная жизнь Герцена, перипетии которой имели серьезную идеологическую «подкладку» и захватывали в свою орбиту массу людей, никого не оставляя равнодушными. Да, с Герцена, по существу, началось публичное апробирование новых форм частной жизни и морали; социалистической ее назвать трудно, но антибуржуазный пафос эта мораль, безусловно, имела. Причем одно дело, когда «брак вторем», как возможная версия совместной жизни супругов и «третьего», обсуждается или подразумевается в романе («Что делать?» Н. Чернышевского), хотя параллельно явления такого рода существовали, конечно, и в жизни, но – тихо, «по-семейному», без особой огласки, и совсем другое – когда эта форма отношений испытывается семьей известного эмигранта Герцена, находящейся на глазах буквально у всей Европы, не считая России, – и терпит крах, как кажется всей «свободомыслящей» Европе, из-за деспотизма самого Герцена. Чем не сюжет для пьес, романов, триллеров?.. Но, быть может, самое притягательное и самое страшное в судьбе Герцена и его семьи, его семей – это дублирование ситуаций, сюжетов, типов отношений. И проигрывание-предугадывание им самим всего этого в своих текстах («Я с тех пор играю одну роль, зрители не догадались», – говорит героиня его же «Сороки-воровки»).

«Случай» Герцена чрезвычайно поучителен, но он же показывает нам, что даже на своем собственном опыте человек редко и мало чему способен научиться. Почему? Быть может, в силу антропологических причин, указанных самим Герценом: «Я полагаю, что вещество большого мозга не совсем еще выработалось в шесть тысяч лет; оно еще не готово; оттого люди и не могут сообразить, как устроить домашний быт свой. Право так. У большей части людей мозг ребячий, – им надобны дядьки, няньки, педали, наказания, приказания, карцеры, игрушки, конфеты и прочее – дело детское!»². «И что же?» – спросим мы за Герценом. Да, в общем, ничего, но этот мудрый человек в течение своей жизни бесконечно наступал на одни и те же грабли и жил в логике неустанных повторений «того же самого».

Эволюция мировоззрения Герцена носила прерывистый характер и была сопряжена с поистине революционными отказами от себя прежнего, от своих былых взглядов и понятий. Однако в ней всегда сохранялся некий постоянный стержень: развитие его шло ширящими-

² Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1954-1965. Т. 2. С. 81.

ся спиралевидными кругами, внутри которых прослеживается исходный локус тем, мотивов, основных вопросов. Эти основные вопросы Герцена имели нравственный характер – как и вся его философия – в духе русской мысли позапрошлого и начала прошедшего века. Неслучайно Г. Шпет, оставивший крайне интересный и, на мой взгляд, беспристрастный анализ содержания воззрений Герцена, писал о том, что его философию следует называть скорее мировоззрением – это «сам дух личности человеческой, – дух, который живет в человеке и которым сам человек живет»³. Кстати говоря, каких только определений не получила философия Герцена! В. Зеньковский: «персонализм»⁴; Г. Шпет: «возвышенный антропоцентризм»⁵; Р. Иванов-Разумник: «имманентный субъективизм»⁶; Вит. Страда: «этический персонализм»⁷. А у В. Белинского просто – о качестве таланта Герцена: «ум, оживленный и согретый, *осердеченный* (здесь и далее курсив авторов. – Е.С.) гуманистическим направлением». «Страшно много ума»⁸, – сетовал русский критик... но ведь ума – «осердеченного!» Не потому ли даже названия произведений Герцена – блестящие, афористически точные – закрепились в нашей культуре и стали элементами ее языка. И если в начале пути Герцена его язык еще носил печать немецкой философии, плохо «переваренной» русской речью, то за границей его язык становится просто блестящим – отточенным, лаконичным, абсолютно прозрачным для мысли и в то же время чрезвычайно выразительным и ярким⁹. Но помогло ли это Герцену, не стала ли его жизнь еще одной вариацией на тему «ум с сердцем не в ладу»?.. Вернемся, однако, к теме мировоззрения.

Центральный вопрос Герцена, как представляется, сводится к проблеме сохранения им (как *любим* человеком, *просто* человеком)

³ Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена. Пг. : Колос, 1921. С. 3.

⁴ Зеньковский В.В. История русской философии : в 2 т. Л. : Прометей, 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 95.

⁵ Шпет Г. Указ. соч. С. 20.

⁶ Иванов-Разумник [Р.В.] А.И. Герцен, 1870–1920. Пг. : Колос, 1920. С. 157.

⁷ Страда В. Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 90.

⁸ Цит. по : Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 6. С. 523.

⁹ Не могу удержаться и не привести одну небольшую цитату из работы Герцена «О развитии революционных идей в России», где, вопреки названию, поднимается тема еще чаадаевская, вечно актуальная и «большая» для России – о ее исторической судьбе: «На взгляд Европы, Россия была страной азиатской, на взгляд Азии – страной европейской; эта двойственность вполне соответствовала ее характеру и ее судьбе, которая, помимо всего прочего, заключается и в том, чтобы стать великим караван-сараям цивилизации между Европой и Азией» (Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 7. С. 156). Сказано метко и хлестко – и правда «караван-сарай» поместившийся «между».

«своего» от жизненного хаоса, исторических перемен, социальных и природных катаклизмов. Вот как он сам писал об этом в 40-е гг., в пору формирования у него нового – «реалистического» – мировоззрения: «У человека, вместе с сознанием, развивается потребность нечто *свое* спасти от вихря случайностей, поставить его выше жизни своей. Пристально вглядываясь в длинный ряд превращений чтимого, мы увидим, что основа ему не что иное, как чувство собственного достоинства и стремление сохранить нравственную самостоятельность своей личности, – и то и другое сначала в формах детских, потом отроческих, как во всяком человеческом развитии»¹⁰. Проблема эта сотериологическая, но может решаться в разных направлениях. В 30-е гг. Герцен решал ее на путях романтического провиденциализма, в 40-е гг. и далее – на просторе открывшейся ему отчаянной одинокости, «заброшенности» человека («Они были одни, они были в степи». – «Кто виноват?»), с помощью «нечаянно верного взгляда» на жизнь, «трезвого знания» о ней, которое дает если не наука (ибо после 40-х гг. и выстроенной в циклах статей «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» утопической «республики ученых», как обозначил ее Р. Хестанов¹¹, Герцен о науке больше не писал), то исторический опыт. Сохранить «свое» – это значит получить наслаждение от жизни, которое возможно только «здесь и сейчас»: к такому выводу Герцен пришел тоже в 40-е гг. Вот его убеждение, сформулированное в «Дневнике» 1842-1845 гг. и словно сошедшее со страниц психологического ли, психотерапевтического учебника нашего времени, для которого основой станет парадигма экзистенциального сознания: «Если глубоко всмотреться в жизнь, конечно, высшее благо есть само существование – какие бы внешние обстановки ни были. Когда это поймут – поймут и что в мире нет ничего глупее, как пренебрегать настоящим в пользу грядущего. Настоящее есть реальная сфера бытия. Каждую минуту, каждое наслаждение должно ловить, душа беспрерывно должна быть раскрыта, наполняться, всасывать все окружающее и разливать в него свое. Цель жизни – жизнь. Жизнь в той форме, в том развитии, в котором поставлено существо, т.е. цель человека – жизнь человеческая»¹². Идея прогресса не приемлет Герценом. В книге «С того берега», исполненной глубинных разочарований как в европейских революциях, так и в самой Европе, он отстаи-

¹⁰ Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 2. С. 154.

¹¹ Хестанов Р. Александр Герцен: импровизация против доктрины. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 90.

¹² Герцен А.И. Соч. : в 9 т. М. : ГИХЛ, 1955-1958. Т. 9. С. 24.

вает позицию «римлянина», обломка старой культуры. Внутренний аристократизм («...истина принадлежит меньшинству» – «С того берега») и глубинное презрение ко всему массовидному, к пошлой самоуверенности носителей современной цивилизации подвигают его к попытке создать свой микромир – свою ячейку нового общества, в которой и можно было бы наслаждаться жизнью, независимо от того, куда несетесь весь большой окружающий мир.

Однако здесь и возникает самая трудная проблема, решить которую, судя по биографии Герцена, ему так и не удалось. Проблема старая, как мир. На пути к гармоническому паритету «частного» и «всеобщего», на котором только и можно выстраивать свой идеальный земной мир, стоят человеческие чувства, и победить их с помощью самых разумных идей и светлых идеалов, увы, не удастся. Эту зависимость от стихийных наплывов то ли страстей, то ли просто природы, физиологии сам Герцен в полной мере испытал в юности, и в русле романтического мировоззрения он не считал нужным бороться с их зовом, а уж тем более – скрывать то, что произошло с ним, от своей сестры и невесты, от своего «доброего ангела» – Наталии Захарьиной. Человек имеет право на страсть, страсти облагораживают, ибо несут в себе свободу, раскрепощение души, «ибо сама страсть влечет к чему-нибудь человеческому, хотя часто и не лучшим путем»¹³. После периода «бури и натиска» 30-х гг. Герцен вполне серьезно и трезво размышлял обо всем этом и о том, какую может и должна быть семейная жизнь человека, в произведениях нового десятилетия: в статьях цикла «Капризы и раздумья», повестях, романе «Кто виноват?»: всюду отчетливы следы авторской рефлексии, авторского самосознания и моделирования им разных вариантов своего «я» и своей жизни. Сам Герцен присутствует и в трезвомыслящем скептике докторе Крупове, и в романтическом максималисте Владимире Бельтове, и даже в помещике Алексее Абрамовиче Негрове: последний – это пройденный автором в его предках вариант «недовоплощенного», недоразвившегося человека. Недаром, описывая лицо Любовь Александровны, повествователь замечает: «...ее лицо было объяснением лица Алексея Абрамовича: человек, глядя на нее, примирялся с ним»¹⁴. Подобный характер будут иметь и последующие произведения Герцена: в «Былом и думах» автобиографизм вынесен на поверхность текста, в повестях 50-х гг. и далее («Поврежденный», «Долг прежде всего», «Aphorismata») он скрыт, но очень неглубоко: легко догадаться, что герой «Поврежденного», испытывавший

¹³ Герцен А.И. Соч. : в 9 т. Т. 9. С. 21.

¹⁴ Там же. С. 150.

шок от разочарования в своей любимой и пораженный в самое сердце (точнее – в ум: он умом «повредился») пошлостью сложившейся ситуации, – это alter ego автора. Используя метод универсальной философской иронии, Герцен и здесь создает систему многогранных отражений, вовлекая в нее собственную жизнь. Когда-то он сам не смог сдержаться и увлекся горничной, что стоило немалых слез и нервов Наталии Александровне; историю своей погубленной жизни раскрывает перед рассказчиком Анета в «Сороке-воровке» – всего лишь служанка, «горничная» в ее театральном амплуа, ставшем для нее судьбой; Евгений Николаевич в «Поврежденном», барин добрый, благородный, сделал все для развития таланта своей крепостной девки Ульяны, да еще и влюбился в нее – а она «спуталась» с барским камердинером, оказавшимся нечистым на руку... «Мы погибшие люди, мы жертвы вековых отклонений и платим за грехи наших праотцев, где нас лечить! Будущие-то поколения, может, опомнятся»¹⁵, – говорит герой этой повести Герцена. «Каждый человек опирается на страшное генеалогическое дерево, корни которого идут чуть ли не до Адамова рая...»¹⁶, – вторит ему автор в своей книге жизни, «Былом и думам». Антропологический подход становится здесь основой всей герценовской историософии.

Тема безумия мира сего, начавшись в творчестве Герцена в 40-е гг., уже не оставит его до самого конца, и в финале безумие будет объявлено «высшим творчеством ума», только и двигающим вперед человечество («Aphorismata: по поводу психиатрической теории д-ра Крупова», 1869). Как видим, романтические концепты и темы не были окончательно забыты Герценом, несмотря на весь его «реализм» и отвержение религии старого мира. В «Былом и думам» он вновь формулирует те выводы, к которым приходил еще в 40-е гг. в статьях на темы морали. Размышляя о модели семьи в сочинениях провозвестника социализма Прудона, он пишет: «Семья, первая ячейка общества, первые ясли справедливости, осуждена на вечную, безвыходную работу; она должна служить жертвенником очищения от личного, в ней должны быть вытравлены страсти. Суровая римская семья, в современной мастерской, – идеал Прудона»¹⁷. Не то же ли самое мы видим в христианстве, где «...жена пожертвована, любовь (ненавистная церкви) пожертвована, выходя из церкви, она становится излишней и заменяется долгом и обязанностью. Из самого светлого, радостного

¹⁵ Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 7. С. 375.

¹⁶ Герцен А.И. Соч. : в 9 т. Т. 6. С. 251.

¹⁷ Там же. С. 457.

чувства христианство сделало боль, истому и грех»¹⁸. Но разве можно изгнать из человеческой жизни чувства и страсти? «Справедливость отвлекается от личностей, она междулична – страсть только индивидуальна. <...> Но именно только *личное, индивидуальное* и нравится, оно-то и дает колорит, tonus, страстность всей нашей жизни. Наш лиризм – *личный*, наше счастье и несчастье – *личное* счастье и несчастье. <...> Логикой страстей обуздать нельзя, так, как судом нельзя их оправдать. Страсти – факты, а не догматы. <...> Где истина... где диагональ?»¹⁹. Быть может, там, где видят истину современные «ученья, в которых брак и семья развязаны, признана неотразимая власть страстей, необязательность былого и независимость лиц»²⁰?.. – И это «мы проходили», мог бы сказать здесь Герцен. – «Двадцать три года тому назад я уже искал выхода из этого леса противоречий»²¹. – Нашел ли? – спросим мы у автора книги. Ему кажется – тогда казалось – что да: «Тут выход не в суде, а в человеческом развитии личностей, в выводе их из лирической замкнутости на белый свет, в *развитии общих интересов*. <...> Ни слез о потере, ни слез ревности вытереть нельзя и не должно, но можно и должно достигнуть, чтоб *они лились человечески*... и чтоб в них равно не было ни монашеского яда, ни дикости зверя, ни вопля уязвленного собственника»²². Оспорить это трудно – ура, вот она, истина!.. Да жизнь говорит другое. Истина и жизнь – совместимы ли они вообще?..

Формирование новой этики, воспитание чувств личности – важнейшая тема всей отечественной литературы XIX в. Те, кто писал об этом, зачастую испытывали свои идеи на практике, и в этом смысле логика героев Достоевского – очень русская логика. В истории же все великое и святое рано или поздно оборачивается сентиментальной комедией или фарсом, свой перечень примеров на эту тему есть у каждого. Но когда фарс, выросший из личной, прочувствованной и продуманной идеи человека – из того, что он считал «своим», что берег и лелеял, настигает его самого, ему редко бывает только смешно: обычно это и называется трагической иронией жизни или судьбы. Возможно, свой сценарий жизни в эмиграции: историю любви Наталии Александровны к Гервегу – романтическому поэту, скоро оказавшемуся обычным пошлым эгоистом, Герцен «заказал» себе сам еще в 30-е гг.:

¹⁸ Герцен А.И. Соч. : в 9 т. Т. 6. С. 465.

¹⁹ Там же. С. 461-464.

²⁰ Там же. С. 461.

²¹ Там же.

²² Герцен А.И. Соч. : в 9 т. Т. 9. С. 463, 464.

когда, подав надежду Полине Медведевой (и вступив с ней в соответствующие отношения), он вел переписку с возвышенной Наталией и признавался ей в своей греховности, заодно бросая камушек в сторону женщины, не сумевшей сдержать себя... Возможно, он подкрепил этот сценарий сюжетом романа «Кто виноват?», где драматизируется вечный любовный треугольник и так и остаются нерешенными вопросы о судьбе, вине и ответственности.

Абсурд входит в жизнь Герцена, когда он, казалось бы, достиг желаемого – женился на Натали, вернулся из ссылки, начал публиковаться и бывать в передовых кругах московского общества, удовлетворяя запросы своей «социальной» натуры. Абсурд приходит со смертью младенцев – сначала двоих, потом еще одного... Четвертого, Коллю, спасают, но он остается глухонемым, а затем судьба или случай настигает и его: в ноябре 1851 г. вместе с матерью Герцена мальчик гибнет в кораблекрушении. «Да, нет предопределения – отсутствие разума в управлении индивидуальной жизнью очевидно»²³, – записывает Герцен в Дневнике в связи со смертью детей. Не меньшей, а, быть может, еще большей силы потрясение он испытал, когда в Европе стал свидетелем гибели революции: эти события отразились в «логическом романе» «С того берега». И на этот период крушения надежд приходится потеря главного «своего» – семейного покоя, самой Натали, продолжавшей жить по образцу чувственных, страстных героинь Жорж Санд²⁴ и вдруг на «том берегу» нашедшей свой новый идеал. Но Герцен не захотел, да и не смог бы сделаться благородным Жаком – героем сандовского романа, предоставившего модель разрешения неразрешимой ситуации брака, который стал тюрьмой для одного из супругов (а этой моделью воспользуется не только мало кому памятный А. Дружинин, но и Н. Чернышевский, и Л. Толстой – в пьесе «Живой труп». Но не в реальной жизни!). В итоге жертвой несостоявшегося альянса – новой формы семейных отношений уже не втроем, а вчетвером (имея в виду и жену Гервега Эмму) – стала Наталия Александровна.

²³ Герцен А.И. Соч. : в 9 т. Т. 9.С. 63.

²⁴ В 1846 г., незадолго до отъезда в Европу, Н.А. записывает в дневнике: «О, великая Санд! Так глубоко проникнуть человеческую натуру, так смело пронести живую душу сквозь падения и разврат и вывести ее невредимую из этого всепожирающего пламени. <...> О! если б не нашлось другого пути, да падет моя дочь тысячу раз – я приму ее с такой же любовью, с таким же уважением, лишь бы осталась жива ее душа: тогда все перегорит, и все сгорит нечистое, останется одно золото» (Герцен А.И. Соч. : в 9 т. Т. 5. С. 638-639). Взгляды и настроения Н.А. фактически уже не менялись до самого ее конца.

Однако история повторится вновь уже в зрелой жизни Герцена, потерявшего все надежды, живущего памятью об ушедшей и пытающегося из памяти создать «надгробье» (и ему это удалось – «Былое и думы» сохраняет статус одной из главных книг в русской классике). В 1856 г. на Запад приезжают Николай Огарев и Наталия Тучкова-Огарева («своей Консуэло» называла ее когда-то жена Герцена), вскоре она занимает место Наталии Александровны рядом с Герценом. А потом, словно в посмертное наказание ему, их общая дочь Лиза самовольно уйдет из жизни. Правда, это произойдет уже после смерти самого Герцена, и это заключительное событие семейной драмы русского эмигранта получит широкую огласку, его обобщит в «Дневнике писателя» Достоевский – быть может, самый непримиримый оппонент Герцена в XIX веке. Согласно, так сказать, официальной версии, поводом для самоубийства Лизы стала несчастная любовь к сорокалетнему французскому доктору-физиологу Шарлю Летурно, который был женат, имел детей. Она писала ему письма, требовала встреч, угрожала своей смертью... Параллель между любовной историей Наталии Александровны Герцен и немецкого поэта Гервега налицо, но Герцена, который бы ее осознал, на ту пору уже не было в живых. Летурно всячески старался соблюсти приличия, однако, по-видимому, он не смог выбрать верную линию поведения с этой странной русской девушкой. Идя на суицид, Лиза, как показывает ее предсмертная записка, не думала, что все произойдет всерьез, что ее не успеют ни остановить, ни спасти. Достоевский же увидел в случае самоубийства дочери Герцена безусловное подтверждение своему, общехристианскому по сути, взгляду на участвовавшие в те годы самоубийства в среде молодежи: «Тут слышится душа именно возмущившаяся против “прямолинейности” явлений, не вынесшая этой прямолинейности, сообщившейся ей в доме отца еще с детства. И безобразнее всего то, что ведь она, конечно, умерла без всякого отчетливого сомнения. <...> ... просто умерла от “холодного страха и скуки”, с страданием, так сказать, животным и безотчетным, просто стало душно жить, вроде того, как бы воздуху не хватало. Душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного...»²⁵. По этому поводу Е.Н. Дрыжакова замечает, что Достоевский не мог знать всего и, видимо, не подозревал, как сам Герцен страдал от той «прямолинейности», в которой тот упрекал его²⁶. Однако эта версия закрепилась: от-

²⁵ Достоевский Ф.М. Собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1981. Т. 23. С. 146.

²⁶ Дрыжакова Е.Н. Герцен на Западе: В лабиринте надежд, славы и отречения. СПб. : Академический проект, 1999. С. 189.

части вторя Достоевскому, домашняя учительница Лизы Е.Ф. Литвинова в своих мемуарах, опубликованных позже, отмечала, что предсмертная записка девушки «дышит презрением к жизни, которую она, как видно, не ставила в грош. Это было следствием того неосновательного разочарования в людях, которое Лиза всосала с молоком матери»²⁷. Наверное, в этом есть своя правда: человек нуждается в некоей «основности» своего существования (перефразируя слова С. Франка). И можно ль создать и сохранить «свое» здесь, на земле, где все так случайно и шатко?.. Судьба Герцена и его семьи задает нам эти вопросы, диктует сомнения. Но вот как закончил свою трилогию об утопии Герцена, а по сути, утопии всего его поколения наш современник Т. Стоппард. Думаю, он имел на это основания.

Герцен. <...> Смысл не в том, чтобы преодолеть несовершенство данной нам реальности. Смысл в том, как мы живем в своем времени. Другого у нас нет.

Бакунин (*закуривая сигарету*). Ну вот, счастливая минута.

Натали. Будет гроза.

Входит Лиза с оборванной веревкой.

Лиза. (*показывая веревку*). Смотри, порвалась!

Герцен. Ты не поцелуешь меня?

Лиза. Да. (*Целует его по-мальчишески.*)

Зарницы. Веселые испуганные возгласы... Затем гром и новые возгласы... И быстрое затемнение²⁸.

²⁷ [Литвинова Е.Ф.] Семья «великого человека» // Северный вестник. 1898. № 10-12. С. 80.

²⁸ Стоппард Т. Берег утопии: драматическая трилогия / пер. с англ. А. и С. Островских. М. : «Иностранка», 2007. С. 478.